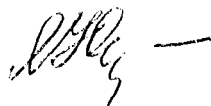

21
На правах рукописи

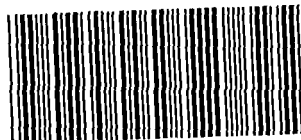

Шашкова Ярослава Юрьевна

**ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В ПРОЦЕССАХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЫБОРОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

Специальность 23.00.02 Политические институты,
процессы и технологии
(политические науки)

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук**

4840737

17 МАР 2011

Чита – 2011

Работа выполнена на кафедре политических наук ГОУ ВПО
«Кемеровский государственный университет»

Научный консультант	доктор философских наук, профессор Желтов Виктор Васильевич
Официальные оппоненты:	доктор политических наук, профессор Подвишнев Олег Борисович доктор политических наук Коргунюк Юрий Григорьевич доктор философских наук, профессор Дробышевский Владимир Станиславович
Ведущая организация	ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится «17» марта 2011 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.299.03 при Читинском государственном университете по адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Читинский государственный университет» по адресу: 672000, Чита, ул. Кастринская, 1.

Автореферат диссертации размещен на сайте ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации www.vak.ed.gov.ru 13 декабря 2010 г. и на официальном сайте ГОУ ВПО «Читинский государственный университет» www.chitgu.ru 16 февраля 2011 г.

Автореферат разослан «16» февраля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.299.03,
канд. социол. наук

Лобцова О.В.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Трансформация российской политической системы на рубеже XX–XXI в. выдвинула на первый план задачи обеспечения функционирования органов государственной власти, повышения эффективности системы представительства социально-политических интересов, разрешения политических конфликтов, вовлечения граждан в политический процесс. Одним из важнейших средств их решения выступают политические партии.

Современная отечественная партийная система складывалась на основе заимствования западного опыта. Однако на практике российские партии воспроизводят традиционалистские формы и методы функционирования и взаимодействия с государством, ставя перед политологами вопрос соотношения традиции и новации в трансформирующихся обществах как детерминант их дальнейшего развития. При этом российский политический процесс демонстрирует противоречие между усилением нормативного статуса партий и сохранением их малого фактического влияния на политику, низким уровнем доверия населения к данному институту.

Существенное влияние на оценку населением эффективности российской партийной системы, интерес к деятельности партий и готовность участвовать в ней оказывает политика партийных организаций регионального и местного уровня, которой в отечественной партологии уделяется гораздо меньше внимания, чем общероссийским тенденциям. Рассмотрение же конфигурации региональных партийных систем, под которыми понимается совокупность отношений между существующими в регионах отделениями политических партий и их отношений с органами государственной власти, позволяет объяснить особенности политической ситуации и электоральных процессов в регионах, что актуализирует исследования в данном направлении.

В связи со сказанным изучение факторов формирования и тенденций развития российской партийной системы в условиях политической трансформации, взаимодействия партийной и избирательной систем на федеральном и региональном уровнях является актуальным и требует дополнительного осмысления.

Степень научной разработанности проблемы. Попытки определить сущность политических партий, их роль в обществе и политической системе предпринимались еще античными и средневековыми мыслителями (Аристотель, Н. Макиавелли). Специальное изучение партий началось в XX в. работами М.Я. Острогорского, Р. Михельса,

М. Вебера, Ю.С. Гамбарова¹. Заложенные в них принципы институционального и прагматического подходов были систематизированы и развиты во второй половине XX в. М. Дюверже, Дж. Сартори, Й. Шумпетером и др.², в трудах которых на богатом эмпирическом материале подробно рассмотрены механизмы формирования партий, их организационная структура, направления и методы деятельности, модели рекрутирования членов и их взаимодействия с партийной элитой. Социальные аспекты и механизм формирования и динамики партийных систем разрабатывались в теории «размежеваний» («кливайжей») С. Липсета и С. Роккана³.

Следующий этап в развитии теории партий связан с начавшейся в 60-е гг. XX в. трансформацией института. Впервые данная проблема была поставлена О. Киркхаймером, а затем получила развитие в международной дискуссии о кризисе партий и путях их дальнейшего развития, в которой приняли участие К. фон Бейме, Р. Гантер, Р. Кац, А. Лейпхарт, П. Мэйр и др., из российских исследователей – С.Н. Пшизова, К.Г. Холодковский. Они выделили несколько важнейших трендов развития партий в эпоху постмодерна, однако большинство авторов исходило из методологического тезиса «кризиса партий», господствовавшего в партологии в конце XX в. и требующего уточнения с учетом новых форм и принципов партийной деятельности⁴.

¹ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии: главы из книги // Диалог. – 1990. – №3, 5, 7, 9, 13; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. – М., 1997; Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М., 1990; Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. – СПб., 1905.

² Антология мировой политической мысли. В 5 т. – Т. 2: Зарубежная политическая мысль: XX в. – М., 1997; Дюверже М. Политические партии. – М., 2000; Sartory G. Parties and party systems: A framework for analysis. – N. Y., 1976. – Vol. 1.; Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия // Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М., 2007.

³ Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. – 2004. – №4. – С. 204–234.

⁴ Kirchheimer O. The Transformation of the Western Party System // Political Parties and Political Development. – Princeton, 1966; Бейме К. фон Партии // Политология вчера и сегодня. – Вып. 4. – М., 1992. – С. 62–70; Gunther R., Montero J.R., Linz J. J. Political parties: old concepts and new challenges. – N.Y., 2002; Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: the emergence of cartel party // Party Politics. – 1995. – №1. – Р. 5–28; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997; Пшизова С. Демократия и политический рынок в сравнительной

Системное видение мирового и российского партотгенеза дают исследования проблематики транзита⁵. Однако к концу XX в. западные (Т.Л. Карл, Т. Карозерс, В. Меркель, М. Оттауэй) и российские (Г.И. Вайнштейн, В.Я. Гельман, А.Ю. Мельвиль) ученые поставили вопрос о применимости транзитологической парадигмы к описанию посткоммунистических режимов и необходимости разработки новых моделей трансформаций⁶.

Работы отечественных и западных политологов, посвященные российской трансформации последнего десятилетия XX в., демонстрируют ту же концептуальную динамику, что и исследования транзита в целом. В публикациях Г.Г. Дилигенского, Б.Г. Капустина, И.К. Пантина и др. произошедшие изменения оценивались как демократизация, рассматривались условия и механизмы создания в России демократических институтов⁷. К концу 1990-х гг. многие политологи и социологи

перспективе // Полис. – 2000. – №2, 3; Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 61–80 и др.

⁵ Растов Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – №5. – С. 5–15; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003; Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. – 1999. – №3; Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – №1; Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore, 1996.

⁶ Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. – 2004. – №4. – С. 6–27; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 42–65; Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. – 2002. – №1, 2; Ottaway M. Democracy Challenged: The Rise of Semi-Authoritarianism. – Washington, 2003; Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 136–170; Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. – 2001. – №1. – С. 55–69; Мельвиль А.Ю. Транснационализация мировой политики и ее «противофазы» // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 125–143.

⁷ Дилигенский Г. Политическая институционализация в России: социокультурные и психологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 6,8; Капустин Б.Г. Идеология и политика

отмечали формальный характер произошедших изменений, предлагая говорить не о «транзите», а о «трансформации»⁸. В середине 2000-х гг. эта позиция утвердилась окончательно, приведя к переосмыслению событий 1990-х гг., поиску причин усиления антидемократических тенденций и их последствий для российского общества, нашедшему отражение в работах И.И. Глебовой, Л.И. Никовской, Ю.С. Пивоварова, Л.Ф. Шевцовой и др.⁹

Развитием данного концептуального принципа применительно к периоду президентства В.В. Путина стали исследования политического режима в России А.Ю. Зудина, И.К. Пантина, С.В. Патрушева, А.В. Рябова, К.Г. Холодковского и др. Общим для них является вывод о сужении публичной сферы в нашей стране, нарастании централизации и подконтрольности общественно-политических институтов федеральной исполнительной власти на фоне достижения относительной социальной стабильности¹⁰.

в посткоммунистической России. – М., 2000; Пантин И.К. Драма противостояния демократия/ либерализм в старой и новой России // Полис. – 1994. – №3. – С. 75–95 и др.

⁸ Галкин А.А., Красин Ю.А. Авторитаризм или демократия: Трудный выбор для России // Полития. – 1998. – №3. – С. 83–95; Гельман В.Я. Как выйти из неопределенности? // Pro et contra. – 1998. – №3. – С. 21–39; Гудков Л. Негативная идентичность. – М., 2004; Ильин М. Политическое самоопределение России // Pro et contra. – 1999. – №3. – С. 67–88; Пантин И. Россия: окончание исторического цикла? // Pro et contra. – 1999. – №3. – С. 112–133.

⁹ Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. – 2006. – №1. – С. 33–44; Никовская Л.И. Взгляд на проблемы трансформации в России с точки зрения теории конфликта // Полития. – 2005. – №2. – С. 115–124; Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. – 2006. – №1. – С. 12–32; Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et contra. – 2004. – №3. – С. 36–55 и др.

¹⁰ Зудин А.Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. – 2003. – №2. – С. 67–83; Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. – 2007. – №4. – С. 113–135; Патрушев С.В. Власть и народ в России: проблемы легитимации институциональных изменений // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 287–312; Рябов А. Современное политическое развитие России: проблемы и перспективы // Свободная мысль–XXI. – 2004. – №3. – С. 3–12; Холодковский К.Г. Политическая модернизация и будущее России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 251–265 и др.

Следующую группу образуют работы политологов, характеризующие общие тенденции развития российской партийной системы или ее состояние в отдельные периоды. В публикациях 1990-х гг. преобладал исторический подход, либо развитие российских партий анализировалось в сравнении с западным опытом партотенеза¹¹. В 2000-е гг. в связи с накоплением эмпирического материала и трансформацией российского политического режима основное внимание в литературе стало уделяться трендам и факторам партотенеза, организационным и функциональным проблемам российских партий, что нашло отражение в статьях и монографиях В.Я. Гельмана, Ю.Г. Коргунока, А.В. Макаркина, Г.М. Михалева, О.Б. Подвинцева и др.¹² Влияние политической культуры России на формирование и функционирование российских партий рассматривали Г.Л. Кертман, О.Ю. Малинова, Ю.С. Пивоваров, А.И. Соловьев и др.¹³ Социальные аспекты отечественного партотенеза изучали А.Н. Кулик, В.Л. Римский и др.¹⁴ На институциональных

¹¹ Кулик А. Российская многопартийность: модель догоняющей политической модернизации? // Профессионалы за сотрудничество. – Вып. 4. – М., 2000. – С. 89–110; Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партотенеза в России // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. – 1995. – №6. – С. 47–54; Лепехин В. Некоторые аспекты современного российского партотенеза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. – 1992. – №3. – С. 23–35.

¹² Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. – 2008. – №5. – С. 135–152; Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. – М., 2007; Макаркин А. Партийная система современной России и начало кризиса // Неприкосновенный запас. – 2009. – №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/-63/3564-partijnaja-sistema-sovremennoj-rossii.html>; Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М., 2009; Подвинцев О.Б. Партийные системы бывших союзных республик как отражение разнонаправленных тенденций развития постсоветского пространства // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М., 2009. – С. 11–19.

¹³ Кертман Г.Л. Статус партии в российской политической культуре // Полис. – 2007. – №1. – С. 120–131; Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. – 2007. – №1. – С. 6–21; Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. – М., 2006; Соловьев А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 313–337.

¹⁴ Кулик А.Н. Теория размежеваний в российском контексте: Испытание политическими реалиями // Политическая наука. – 2004. – №4. – С. 173–191; Римский В.Л. Общественные размежевания и политические партии в России // Политическая наука. – 2004. – №4. – С. 152–172.

условиях формирования партийной системы акцентировали внимание С.Е. Заславский, В.В. Лапаева, А.В. Лихтенштейн, Б.И. Макаренко и т.д.¹⁵ Почти все они подчеркивали, что уникальность российского партотгенеза связана с непосредственным участием государства в процессе партстроительства, которое выразилось в феномене «партии власти», ставшем объектом специального изучения у И.И. Глебовой, Г.В. Голосова, С.М. Хенкина и др.¹⁶ Также необходимо отметить цикл коллективных монографий, раскрывающих различные аспекты участия партий в электоральных циклах 1990–2000-х гг. и обратного влияния выборов на состояние российской партийной системы¹⁷. Вместе с тем, большинство авторов объясняет российский партотгенез действием только каких-либо отдельных факторов, что делает необходимым комплексный анализ условий формирования и развития российских партий, определения соотношения влияния традиций и современной ситуации в обществе в этом процессе.

При изучении регионального уровня формирования и функционирования партийных организаций, в том числе в Западной Сибири, наибольшее внимание уделяется участию партий в региональных избирательных кампаниях¹⁸. Сравнительный анализ регионального

¹⁵ Заславский С.Е. Политические партии: Проблемы правовой институционализации. – М., 2003; Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. – М., 1999; Лихтенштейн А.В. Политические партии и российский президентализм: границы применения // Политическая наука. – 2003. – №1. – С. 13–32; Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et Contra. – 2006. – №1. – С. 96–103.

¹⁶ Глебова И.И. Партия власти // Полис. – 2004. – №2. – С. 85–92; Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партия власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. – 2001. – №1. – С. 6–14; Хенкин С. «Партия власти»: российский вариант // Pro et contra. – 1996. – №1. – С. 2–45; Он же. «Партия власти»: штрихи к портрету // Полития. – 1997. – №1. – С. 28–35 и др.

¹⁷ Первый электоральный цикл в России (1993–1996). – М., 2000; Второй электоральный цикл в России (1999–2000 гг.). – М., 2002; Третий электоральный цикл в России, 2003–2004 годы. – СПб., 2007.

¹⁸ См., например, Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Полис. – 2003. – №6. – С. 71–87; Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – СПб., 2006; Кынев А.В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // Полис. – 2006. – №6. – С. 145–160; Панов П.В. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России (Кроссрегиональный сравнительный анализ) // Полис. – 2005. – №5. – С. 102–117; Туровский Р. Региональные выборы в России: случай атипичной

партогенеза, его трендов и детерминант содержится в публикациях О.В. Гаман-Голутвиной, Г.В. Голосова, Н.Ю. Лапиной, Д.С. Хатчесона, А.Е. Чириковой и др.¹⁹

Исследованием отдельных аспектов формирования и деятельности партий в регионах Юго-Западной Сибири занимались С.Ю. Асеев, О.Н. Барабанов, В.И. Козодой, Н. Погодаев, А.Г. Осипов, Е.В. Притчина, П.С. Шараев, Г.П. Шейда²⁰.

демократии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.democracy.ru/library/newsarchive/article.php?id=1342>.

¹⁹ Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 157–177; Голосов Г.В. Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы (О причинах развития политических партий в регионах России) // ОНС. – 2000. – №3. – С. 51–75; Hutchison D.S. Political Parties in the Russian Regions. – L., 2003; Лапина Н.Ю. Региональное измерение российской политической трансформации // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. – М., 2004. – С. 266–277; Чирикова А.Е. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные // ОНС. – 2004. – №3. – С. 71–80 и др.

²⁰ Асеев С.Ю., Притчина Е.В., Шашкова Я.Ю. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае: 1993–2006 гг. – Барнаул, 2006; Барабанов О.Н. Политические партии и выборы в Алтайском крае // Дневник Алтайской школы политических исследований. №6. Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы. – Барнаул, 1998. – С. 142–145; Козодой В. и др. Власть, общество, выборы. Политическое развитие Новосибирской области в 2000–2003 гг. – Новосибирск, 2005; Осипов А.Г., Козодой В.И. Политический спектр (Формирование многопартийности в Западной Сибири 1986–1996). – Новосибирск, 2003; Погодаев Н., Бояркина Е. Кемеровская область: декабрь 1995 года – январь 1996 года // Выпуски политического мониторинга Международного института гуманитарно-политических исследований. – 1996. – Январь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1996/0196/42.html>; Породаев Н., Грибанова О., Коновалова Н. Новосибирская область: декабрь 1995 года – январь 1996 года // Выпуски политического мониторинга Международного института гуманитарно-политических исследований. – 1996. – Январь [Электронный ресурс]. URL: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1050412225/Novosibirsk0196.htm>; Притчина Е.В. Выборы в Государственную Думу 1999 г. и формирование политических партий в регионах (на примере Алтайского края) // Избирательная право и избирательный процесс в субъектах Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы. – Барнаул, 1999; Она же. Восприятие политических партий жителями Алтайского края // Новый политический цикл: повестка дня для России. – М., 2008; Шараев П.С. Законодательные органы

Таким образом, можно констатировать, что в современной политической науке не сложилось системное видение российского партогенеза на федеральном и региональном уровнях, процессов институционализации региональных отделений партий, в частности, в Юго-Западной Сибири, методов и направлений их деятельности, взаимодействия с органами государственной власти. Поэтому постановка и разработка темы диссертационного исследования, ориентированного на изучение названных проблем, является своевременной и актуальной.

Объектом диссертационного исследования выступает партийная система как элемент политической системы России.

Предмет исследования – формирование, динамика и функционирование российской партийной системы на федеральном и региональном уровнях в условиях политической трансформации и выборов конца XX–начала XXI вв.

Целью исследования выступает характеристика состояния российской партийной системы в конце XX–начале XXI вв., факторов ее формирования и тенденций развития, роли партий в российском политическом процессе, особенностей функционирования партийной системы на региональном уровне.

Задачи исследования:

- рассмотреть политическую партию как институт, базовые механизмы ее формирования и функционирования, роль в обществе и политической системе, выявить мировые тренды ее трансформации в современных условиях;

- провести комплексный анализ факторов российского партогенеза, современного институционального и правового статуса партий в Российской Федерации; выделить, исходя из этого, этапы процесса формирования и генезиса партийной системы;

- исследовать влияние специфики трансформации российской политической системы и массового сознания в 1990-е гг. на программно-организационное состояние российских партий, их место в политическом процессе;

- охарактеризовать последствия «путинских реформ» для партийной системы и связанной с нею системы представительства социальных интересов, определить тенденции развития российских партий;

государственной власти в субъектах РФ в 90-е гг. XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). – Томск, 2007; Шейда Г.П. Выборы 2004 г.: новый этап партийного строительства на Алтае // Россия и Алтай 2004 года: пейзаж после выборов. – Барнаул, 2005. – С. 202–204.

– изучить процесс становления и функционирования региональных отделений партий в Юго-Западной Сибири, проследить его зависимость от специфики политических режимов, социально-экономической и социокультурной ситуации в отдельных регионах;

– охарактеризовать участие партийных организаций Юго-Западной Сибири в избирательных кампаниях в федеральные представительные органы власти;

– выявить роль отделений партий в формировании и функционировании региональных законодательных органов государственной власти, особенности их взаимодействия с исполнительной властью регионов.

Гипотеза исследования состоит в том, что формирование и генезис партийной системы стали результатом влияния институциональных, правовых факторов, дополненных последствиями социально-экономических реформ, мировых процессов трансформации институциональных форм и методов деятельности политических партий, особенностей российской политической культуры, противоречивого характера российского транзита, что затрудняло оформление устойчивой партийной системы и общественную легитимацию данного института. Партийные процессы на региональном уровне во многом повторяли федеральные тренды, однако детерминировались и региональной спецификой.

Теоретико-методологической основой исследования послужили системный и структурно-функциональный подходы, вследствие чего партийная система рассматривалась как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих партийных организаций федерального и регионального уровня, а также как часть политической системы.

Исторический подход обусловил изучение современного российского партогенеза в контексте российского и мирового политического процесса конца XX–начала XXI вв., а также общей логики отечественной истории.

Теоретической основой исследования формирования и динамики российской партийной системы как элемента процесса политической трансформации выступили теории транзита²¹, которые под политиче-

²¹ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – №1. – С. 10–25; Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. – 2004. – №4. – С. 6–27; Levitsky S., Way L.A. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. – Vol. 13. – 2002. – №2. – P. 51–65; Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe,

ской трансформацией (транзитом) понимали процесс перехода от тех или иных разновидностей авторитаризма к постепенному выстраиванию консолидированной демократии либерального типа.

Наиболее значимым для исследования стал вывод Г. О'Доннелла о том, что общий процесс демократизации состоит не из одного, а двух последовательных переходов: первый (transition) ведет к «установлению демократического правительства»; второй (consolidation) – к «утверждению демократии», или к «эффективному функционированию демократического режима». Данный подход позволил представить трансформацию как многовекторный процесс с неоднозначно детерминированным результатом.

Созданные на основе транзитологии теории «соревновательного авторитаризма», «кратократического транзита», институциональной трансплантации и т.п., а также теории демократии Р. Даля, А. Лейпхарта, Й. Шумпетера и др.²² позволяют осмыслить российский политический процесс последних двух десятилетий и объяснить его специфической современное состояние политических партий.

Для анализа формирования и функционирования политических партий как основных элементов партийной системы, их взаимодействия с другими политическими институтами использовался институциональный подход, применительно к партиям разработанный французскими политологами М. Дюверже, М. Прело, Ж. Бюрдо и др.

South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore, 1996; Nelson J. Linkages Between Politics and Economics // *Journal of Democracy*. – Vol. 5. – 1994. – №4. – Р. 49–62; Растой Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. – 1996. – №5. – С. 5–15; Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004; Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // *Полис*. – 1996. – №5. – С. 16–27; Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // *Полис*. – 1999. – №3. – С. 30–33.

²² Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // *Полис*. – 2007. – №2. – С. 81–108; Глебова И.И. Беспартийная Власть и ее партийная организация // *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. – М., 2004. – С. 213–229; Даль Р. О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // *Политическая наука*. – 2003. – №2. – С. 42–65; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997; Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // *Полис*. – 1995. – №2. – С. 135–146; Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия // *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. – М., 2007.

Согласно ему партия есть политический институт или форма политических отношений, для которой характерно наличие общей идеологии, четкой структуры, разделения функций, а также членства на основе самопричисления к данному институту и идентификации с ним со стороны окружающих. В силу этого институт начинает действовать как целое и воспринимается окружающими как «коллективная личность», а его возможности и продолжительность превосходят возможности и продолжительность существования тех индивидов, посредством которых он действует.

Сочетание институционального подхода с неинституциональной концепцией рационального выбора позволяет выявить формальные и неформальные характеристики политических партий, охарактеризовать их не только как организации, но и ментальные конструкты, площадки взаимодействия и стратегии элит, а также «увязать» влияние различных факторов на процесс партогенеза.

При анализе формирования и функционирования отечественной партийной системы применялись теории партий и партийных систем.

Современное состояние сферы политики, оказывающее решающее влияние на трансформацию организационных и функциональных признаков партий, раскрывает теория политического рынка, разрабатывавшаяся во второй половине XX в. теоретиками школы «общественного выбора» К.Дж. Эрроу, Э. Даунсом и др.

Выяснению характера взаимоотношений партий и государства на федеральном и региональном уровнях способствовали теории политического процесса, в частности, концепции плюрализма, корпоратизма и сетевой подход, ставящие характер политического процесса в зависимость от целей, ресурсного потенциала, коалиционных стратегий и активности основных акторов.

Методы исследования: сравнительный анализ, институциональный анализ, сетевой анализ, *case-study*, *event-анализ*, вторичный анализ статистических данных. Сравнительный анализ позволил выявить общее и специфику в формировании и деятельности отделений партий в регионах Юго-Западной Сибири.

Внутренняя структура, порядок формирования партийных органов власти, рекрутирования членов и основные направления деятельности партий, а также их взаимодействие с другими политическими акторами исследовались методами институционального и сетевого анализа.

Использование метода *case-study* было обусловлено рассмотрением партийной системы России на федеральном уровне и в регионах

Юго-Западной Сибири как локализованных, уникальных объектов, эволюционировавших на протяжении длительного временного периода.

Процесс функционирования региональных отделений политических партий анализировался по принципам event-анализа, представляющего политический процесс как цепь событий или действий и взаимодействий политических акторов под влиянием окружающей среды.

При работе с данными опросов общественного мнения и электоральной статистики использовался метод вторичного анализа социологических и статистических данных.

Документальную базу исследования составляют правовые акты 1990–2009 гг., определившие этапы и формы становления российской партийной системы, роль партий в политическом процессе. Среди них следует выделить Конституцию Российской Федерации 1993 г. с учетом поправок, предложенных в Послании Президента РФ Д. А. Медведева к Федеральному собранию РФ 2008 г., федеральные законы «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 №82-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19.07.1998 №112-ФЗ), «О политических партиях» от 11.07.2001 №95-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19.07.2009 №196-ФЗ), «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями на 22 апреля 2010 г.) от 12.06.2002 №67-ФЗ и «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» от 12.05.2009 №95-ФЗ.

Эмпирическую базу исследования образовали материалы электоральной статистики, периодической печати, данные социологических опросов и т.п., раскрывающие состояние российской партийной системы на федеральном и региональном уровнях и основные направления деятельности партий.

Федеральные и региональные данные электоральной статистики²³ дают представление о расстановке партийных сил в стране и регионах

²³ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Электоральная статистика. – М., 2000; Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. – М., 1998; Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика: В 2 т. – М., 2001; Выборы в Российской Федерации. 2001. – М., 2002; Выборы в Российской Федерации. 2004. – М., 2005; Выборы в Российской Федерации. 2005. – М., 2006; Алтай – 2004: выборы в краевые органы государственной власти. – Барнаул, 2005; Алтай в электоральном цикле 2007–2008 гг. – Барнаул, 2008.

и позволяют оценить эффективность деятельности парторганизаций в ходе избирательных кампаний. Количественные характеристики политических партий, сведения об их деятельности содержатся в российских и региональных справочных изданиях²⁴. Оценку российского политического процесса в целом и партий как института, их деятельности в частности демонстрируют опросы общественного мнения, проводившиеся Левада-центром, Фондом «Общественное мнение»²⁵, Центром политического анализа и технологий АлтГУ²⁶ и др.

Большую роль в исследовании играли материалы СМИ, например, газеты «Континент Сибирь», а также информационных агентств «Тайга», «Банкфакс» и др., содержащие информацию о деятельности региональных отделений политических партий. Представление о структуре, целях и стратегиях политических партий дают выступления партийных лидеров и документы партий, а об участии партий в деятельности региональных органов власти – биографии депутатов и информационные ресурсы Законодательных Собраний регионов.

²⁴ Олещук В.А., Павленко В.Б. Политическая Россия: партии, блоки, лидеры. Год 1997. Справочник. – М., 1997; Пашенцев Е.Н. Оппозиционные партии и движения современной России. М., 1998; Политические партии и движения на выборах–99. – М., 2000; Асеев С.Ю., Притчина Е.В., Шашкова Я.Ю. Региональные отделения политических партий в Алтайском крае. – Барнаул, 2005; Партиформ Алтайского края. – Вып. 1–5. – Барнаул, 2006–2009 и др.

²⁵ См., например, Доверие россиян институтам власти и общества: Пресс-выпуск Левада-Центра. №31. 23.03.2004 [Электронный ресурс]. URL: www.levada.ru/press/2004032302; Россияне о правящей партии и партийной принадлежности президента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2006072504.html>; Россияне о политической оппозиции: Пресс-выпуск Левада-Центра от 28.07.2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2009072802.html>; Политические партии в России: Опрос населения [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/dd062523>; Политические партии в жизни России: Опрос населения [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424> и др.

²⁶ Социологический опрос жителей Барнаула в июне 2002 г. методом многоступенчатой районированной выборки, было опрошено 500 человек; социологический опрос жителей Барнаула, Белокурихи, Шипуновского и Романовского районов Алтайского края в октябре 2005 г. в., было опрошено 584 человека; социологические опросы в сентябре и ноябре 2007 г. Выборка составила 1000 чел., проживающих в 3 городах и 6 районах края; социологический опрос в июне 2008 г. в городах Барнауле, Бийске и Рубцовске и 5 районах Алтайского края, опрошено 1000 человек.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Партии как устойчивые во временном отношении организации, выражающие интересы части общества, обладающие комплексом ресурсов и ставящие целью борьбу за обладание властью, характеризуются общностью ценностей и/или корпоративных интересов, выступают неотъемлемым элементом современных политических систем. Они выполняют в них ряд важнейших функций, таких как рекрутирование политической элиты, формирование «повестки дня», идеологическое обеспечение процесса принятия политических решений. К концу XX в. произошла трансформация структуры и характера функционирования политической партии, обусловленная спецификой информационного общества и усилением связи ведущих политических партий с государством.

2. Рассмотрение российской элитой политической трансформации как импорта демократических институтов обусловило перенос западной модели политических партий в российские условия, создав противоречие между заимствованной нормативной формой партий и современными маркетинговыми методами их деятельности, с одной стороны, а также особенностями социальной структуры и политической культуры российского общества, с другой. В результате этого институциональная форма партий наполнилась традиционалистским содержанием. Определяющую роль в развитии российской партийной системы играют институциональные и правовые факторы, что дает основание разделить российский партогенез на три этапа: 1) с конца 1980-х–1993 гг.; 2) 1993–2000 гг.; 3) с 2001 г. по настоящее время.

3. Формирование российской партийной системы в 1990-е гг. явилось частью кратократического транзита как формы трансформации властной организации в ходе ее адаптации к меняющимся условиям, в связи с чем партии не были допущены к распределению ресурсов или контролю над данным процессом и приобрели элитарный характер. Массовое сознание также не видело в них эффективного канала выражения и продвижения социальных интересов, что обусловило низкий уровень легитимности партий. Анализ взаимодействия политических партий и государства и взаимовлияния избирательной и партийной систем показывает решающее воздействие межпартийной, в частности электоральной, конкуренции на упорядочивание партийной системы, ее переход от атомизированного состояния к системе крайнего плюрализма.

4. Принятие Федерального закона «О политических партиях» (2001 г.) и изменение избирательного законодательства стимулировали организационную, электоральную и социальную активность партий,

но сохранили инструментальную роль партий для групп интересов и увеличили их зависимость от политики исполнительной власти. В результате произошло не только упорядочивание партийной системы, но и встраивание ее в систему «вертикали власти», в ходе которого партийная система приобрела псевдодоминантное состояние.

5. В процессе формирования и функционирования партийных систем регионов Юго-Западной Сибири, как и на федеральном уровне, можно выделить три этапа. В 1990-е гг. он определялся федеральными трендами в сочетании с социально-экономической и социокультурной спецификой регионов, а также типом регионального политического режима. Партогенез Кемеровской области и Алтайского края имел больше общих признаков, чем аналогичный процесс в Новосибирской области. В начале 2000-х гг. происходит частичная трансформация партийного пространства, сближая конфигурацию партийных систем Алтайского края и Новосибирской области на фоне апартизации Кемеровской области. С середины 2000-х гг. наблюдается унификация партийных систем на федеральном и региональном уровнях при существенном повышении влияния исполнительной власти на функционирование региональных парторганизаций.

6. В регионах Юго-Западной Сибири наблюдается дифференциация участия партий в федеральных и региональных избирательных кампаниях. Наиболее высокая активность и конкуренция партий характерна для Новосибирской области, относительная упорядоченность и предсказуемость результатов – для Алтайского края и апартийность или псевдопартийность – для Кемеровской области. Результаты выборов выступают не столько фактором развития партий, сколько репрезентативным показателем расстановки партийных сил на региональном уровне. Влияние партий на формирование исполнительных органов власти повсеместно незначительно.

Научная новизна. В диссертационной работе на основе системного политологического исследования получены следующие научно обоснованные положения, обладающие новизной:

- на основе институционального подхода уточнены понятия «политическая партия», «картельная партия»;

- выявлено, что мировые тенденции распространения консолидированных демократий, размывания социальных границ, усложнения политической инфраструктуры, развития информационных технологий, прагматизации и маркетингизации политики обусловили распространение всеохватного (catch-all) и монопроблемного типов политических партий, смещение акцента в их деятельности с представительства социальных интересов в процесс принятия политических решений,

преобладание PR-методов работы, превращение партий в «электорально-профессиональные» организации;

- сформулирована обобщенная концепция российской партийной системы как институционально-сетевой структуры и элемента политической системы, характер формирования и функционирования которой определяется как трендами российской трансформации, так и соотношением политических традиций и ситуативных факторов, а также мировыми тенденциями маркетингизации и картелизации политического пространства;

- по критерию изменения правового статуса, институциональных характеристик партий и их роли в политическом процессе выделено три этапа формирования и генезиса российской партийной системы;

- на основе периодизации российского партотенеза и особенностей региональных политических процессов выделены три этапа динамики региональных партийных систем;

- путем анализа данных о региональных отделениях политических партий, их деятельности и электоральной статистики сделан вывод об унификации партийного пространства регионов и его подчинении региональной исполнительной власти во второй половине 2000-х гг.;

- установлено, что результаты участия партийных организаций Юго-Западной Сибири в избирательных кампаниях в федеральные и региональные представительные органы власти отражают, в первую очередь, особенности партийно-политических процессов в регионах, а также федеральные тенденции;

- выявлено различие роли партий в формировании и функционировании законодательных и исполнительных органов государственной власти регионов.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы, в числе прочих, для осмысления российской трансформации; служить основанием для дальнейших научных разработок проблематики политических партий и партийных систем в партологии, политической регионалистике, политической социологии, теориях политических процессов и отношений в современной России, избирательных систем и процессов, избирательном праве; способствовать созданию единой базы по функционированию политических партий в Западной Сибири.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для прикладного изучения современного политического процесса и политических партий на федеральном и региональном уровнях в целях оптимизации деятельности органов власти, СМИ

и политических партий, повышения эффективности партийной политики и избирательного процесса в Российской Федерации.

Диссертационная работа может быть полезной в учебном процессе, для системы подготовки и переподготовки кадров государственных служащих, организаторов выборов и партийного актива.

Апробация работы. Выводы исследования нашли отражение в авторских монографиях, статьях в реферируемых периодических изданиях («Политическая наука», «Власть», «Свободная мысль» и др.), прочих публикациях. Рецензия на монографию «Российская партийная система в условиях трансформации политического режима» (конец XX–начало XXI вв.) опубликована в журнале «Политическая наука»²⁷.

Основные положения диссертации были представлены и обсуждены на Всероссийских конгрессах политологов (2006 и 2009 гг.), международной конференции «Политическая конкуренция и партии в постсоветских государствах» (Москва, 2008 г.), международных и всероссийских конференциях в Барнауле, Кемерово, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Москве, Томске, а также использовались при работе в рамках грантов РГНФ «Влияние генезиса партийной системы на институциональный дизайн региональной политики (на примере Алтайского края)», «Влияние трансформации политической системы на электоральный процесс на региональном уровне в 1993–2008 гг. (на примере Алтайского края)» и гранта Президента РФ «Влияние политических партий на формирование и функционирование региональных органов государственной власти (на примере Западной Сибири)».

Кроме того, полученные результаты были внедрены в учебный процесс при чтении курсов «Партология», «Развитие теории политических партий», «Российская модель партогенеза».

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Структура работы соответствует задачам исследования, следует логике их изложения и включает введение, три главы, разделенные на семь параграфов, заключение, библиографический список, содержащий 648 наименований.

²⁷ Щенникова О.Н. Рецензия на книгу: Шашкова Я.Ю. РОССИЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (конец XX – начало XXI в.) // Политическая наука. – 2010. – №4. – С. 212–216.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, анализируется состояние научной разработанности проблемы, определяются цель и задачи, объект и предмет, гипотеза исследования, характеризуются теоретико-методологические основы и документально-эмпирическая база работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, приводятся сведения об апробации.

В **первой главе** «Условия институционализации российских партий» рассматривается комплекс факторов, повлиявших на формирование и функционирование данного института, выделяются их особенности в современных мировых и российских условиях, прослеживаются тенденции и этапы российского партотгенеза.

Параграф 1.1. «Мировые тренды развития партий на современном этапе» носит методологический характер, раскрывая вопросы институциональной сущности политических партий, их роль в современной политической системе и модели трансформации в условиях информационного общества.

Отмечается, что вопрос дефиниции политических партий до сих пор остается открытым в политической науке. Сущностные признаки партии нашли отражение во множестве определений, большинство из которых можно отнести к структурному (М. Дюверже, М.Я. Острогорский), функциональному (К. Лоусон и др.), электоральному (Дж. Сартори и др.), структурно-функциональному (Дж. Лапаломбара, С. Нойман) подходам. Использование институционального подхода позволило диссертантке предложить авторское определение политической партии и рассмотреть ее эволюцию как прохождение ряда институциональных форм: от аристократических клубов, клиентелистских сетей и элитарных клубов до массовых и всеохватных организаций.

Развитие партийных систем отдельных стран, помимо общей тенденции эволюции системы парламентаризма, детерминировали характер политической культуры, особенности политического режима, избирательной системы и системы правления. Но принципиальное значение играли элитные альянсы и противостояния, составившие ядра выделенных С. Липсетом и С. Рокканом размежеваний (между центром и периферией, государством-нацией и церковью, между интересами земельных собственников и промышленных предпринимателей, работодателями, рабочими и служащими).

Сегодня партии играют ключевую роль в политическом процессе демократических государств, определяя стратегию и тактику их развития, обеспечивая перевод социальных требований в политические решения, формируя органы государственной власти, что дает исследователям основание характеризовать их как «партийные государства».

Вместе с тем, к концу XX в. произошла трансформация структуры и характера функционирования партий и партийных систем, осмысление которой шло в рамках дискуссии о кризисе «старых» партий. В условиях прагматизации и сегментирования массового сознания информационного общества, снижения уровня вовлеченности граждан в политический процесс, партии приобрели форму всеохватных («catch-all») организаций, чья деятельность все больше демонстрирует не идеологический, а маркетинговый характер. Связанное с этим ее удорожание заставляет партии искать новые стабильные источники ресурсов, каким для крупных партий становится государство. Это привело к появлению феномена «картельных партий», которые взаимодействуют между собой за счет участия в процессе распределения постов, доступа к государственным дотациям и СМИ и не заинтересованы в появлении новых партий.

Указанные тенденции подкрепляются переформатированием системы размежеваний: часть кливажей снижает свою актуальность, дополняясь сегментированием общества по постиндустриальным проблемам экологии, стилей жизни, прав человека и т.д., объективирующимся в новых партиях монопроблемного характера.

Приведенный в параграфе материал позволяет сделать вывод, что современные политические партии представляют собой сложный конгломерат экономических, политических и бюрократических интересов, формальных и неформальных отношений, обладающих собственной исторической реальностью и разнородной, сформировавшейся в результате длительной эволюции социальной базой. В ряде случаев партии полностью или почти полностью утрачивают идеологическую идентичность, что не мешает им оставаться узнаваемыми политическими акторами. Новые партии действуют сообразно обстоятельствам: перенимают «рыночный» тип поведения и выстраивают коммуникацию со слабоструктурированным обществом как с аморфной аудиторией.

В параграфе 1.2. «Факторы и этапы институционализации российских партий» партогенез конца XX–начала XXI вв. представлен как результат взаимодействия мировых трендов развития партий с социальными, культурными, институциональными и правовыми особенностями российской политики.

Социальные факторы оказали наименьшее влияние на формирование и развитие российских партий из-за размытости структуры размежеваний, слабой политической активности населения, его переориентации на преодоление социально-экономических издержек реформ и низкого доверия к демократическим институтам, включая партии. В результате этого партии в 1990-е гг. являлись малочисленными и элитарными образованиями клубного типа, масштаб деятельности которых ограничивался столицами и крупными городами. Закрепление в законе «О политических партиях» 2001 г. требований к минимальной численности партийной организации с последующим их повышением тоже не сделало российские партии реальными массовыми структурами – рядовые члены воспринимались лишь как условие, необходимое для прохождения процедуры перерегистрации. Состоянием элит объясняется и степень конкурентности межпартийных взаимодействий и выборов.

В связи с этим российский партогенез отличался от западного – на Западе первоначально возникали традиционные политические партии, четко связанные с определенной идеологией. Появление же прагматичных «сегментированных» партий относится лишь к XX в. Ускоренный характер отечественного транзита привел к тому, что «идеологические» партии (за исключением КПРФ) оказались слабы. Их место занимали корпоративные структуры.

Российская политическая культура, несмотря на произошедшую трансформацию, также не содержала в своей основе представления о партиях как важнейшем субъекте политики, делая акцент на общинности, соборности, этатизме, моноцентризме и персонификации власти. В результате импортированные институты адаптировались к культурному контексту, наполняясь традиционным содержанием. Многопартийность воспринималась массовым сознанием как источник общественно-политических проблем, партии ассоциировались с их лидерами и представляли собой «группы поддержки» вокруг известных или влиятельных политиков, а основной целью их деятельности граждане видели повышение своего материального благосостояния, что повлекло рассогласование между обусловленными политической культурой и социально-экономической ситуацией нормативными требованиями электората к партиям и реальными формами их функционирования, выразившееся в их фактической делегитимации. В этих условиях значительным достижением стало то, что, как показывают социологические исследования, партии все же признаются значительной частью общества неотъемлемым элементом российской политической системы.

В 2000-е гг. усиливаются этатистский и патерналистско-подданический элементы политической культуры, инициатива партообразования переходит к государству, стремящемуся сформировать свои партии – «клиенты» (например, «Единая Россия», «Родина», «Правое дело»). В целом же стремление российской власти обеспечить себе гарантированную поддержку в институциональной форме партии выразилось в процессе образования «партий власти».

Ключевую и, вместе с тем, противоречивую роль в российском партогенезе сыграли институциональные и правовые факторы, в частности, апартийный до 1993 г. принцип формирования органов власти, введение смешанной, а с 2007 г. пропорциональной системы избрания Государственной Думы РФ, наделение партий монополией на выдвижение кандидатов на выборные должности, принятие в 2001 г. закона «О политических партиях», установившего четкие количественные критерии данного института и принципы его государственной поддержки. Формально они стимулировали укрепление партийных организаций и усиление их роли в политическом процессе.

С другой стороны, весь институциональный дизайн российского государства, его форма правления не способствуют легитимации партий массовым сознанием и превращению их в серьезного политического актора. Российские партии не могут оказывать влияние на президента и исполнительную власть, в руках которой сосредоточены ресурсы, контролировать их. Основными каналами рекрутирования в состав управленческой элиты выступают влиятельные лоббистские группы. Поэтому деятельность в рамках политических партий выглядит бесперспективной в карьерном отношении, а в массах сохраняется представление о них как бесполезных для общества. Предъявляемые же к партиям правовые требования могут превращаться в средство их подчинения государству и борьбы с оппозицией.

Сочетание указанных тенденций с принципиальным отличием механизмов развития российской партийной системы в 1990–2000-е гг. позволяет выделить три этапа развития российских партий. Первый этап, с конца 1980-х–1993 гг., связан с переходом от однопартийной системы к конкуренции протопартийных образований клубного типа при отсутствии у них какого-либо законодательного статуса и ресурсных возможностей для активной политической деятельности.

Второй этап включает период 1993–2000 гг., когда партии были признаны конституционно и получили преференции участия в формировании федеральной легислатуры. Функционирование партийной системы регулировалось принципами «свободного рынка», без существенного вмешательства государства в этот процесс.

Третий этап берет начало с 2001 г., когда, с одной стороны, принятие закона «О политических партиях» завершило их правовую институционализацию и резко подняло статус партий в политическом процессе, а с другой – усилило государственный контроль над данным институтом.

Во второй главе *«Партогенез в контексте трансформации российской политической системы на рубеже XX–XXI вв.»* характеризуются отдельные этапы партогенеза, анализируется влияние особенностей трансформации российского политического режима 1990–2000-х гг. на формирование и функционирование российской партийной системы.

В параграфе 2.1. *«Особенности трансформационных процессов в России в конце XX в. и становление отечественной партийной системы»* российский партогенез 1990-х гг. рассматривается как процесс постепенного упорядочивания и стабилизации партийной системы, испытавший на себе сильное влияние противоречивости отечественной трансформации.

В политической науке до сих пор не выработано единое понимание сущности российских политических реформ начала 1990-х гг. Первоначально они воспринимались как часть «третьей волны» демократизации, продолжение революционных событий в Центральной и Восточной Европе конца 80-х гг. XX в. Однако уже к концу десятилетия стало очевидно, что если слом недемократического режима хотя бы формально осуществился довольно быстро, то этапы установления демократического режима и консолидации демократической системы так и не были пройдены. В связи с этим для обозначения посткоммунистических государств вместо термина «недемократии, находящиеся в состоянии транзита» стал использоваться термин «не-демократии», признав тем самым реальность возникновения новых типов и разновидностей политических режимов.

В оценке российских реформ выделяется несколько направлений: отрицающее сущностные изменения российской политической системы (Ю.С. Пивоваров, Л. Шевцова); конфликтологический подход (Л.И. Никовская, В.Н. Якимец); теории эндогенной «деархаизации» (Л.В. Поляков); «ленинского наследия» (К. Джовитт, В. Елизаров); становления гибридного режима (В.Я. Гельман). Наиболее методологически перспективной представляется теория «кратократического транзита» И.И. Глебовой, согласно которой введение демократических институтов (выборности, политического плюрализма, системы представительных институтов, гражданских и политических свобод) носило в значительной степени вынужденный, имитационный характер и было обусловлено решением задач обеспечения безопасности и интеграции в миро-

вое сообщество в новых условиях. Оно накладывалось на поощрение со стороны Запада, с которым российской элите хотелось стать на равных, и популярность лозунга демократии, под которым развертывалось на рубеже 1980–1990-х гг. относительно массовое движение.

Среди других причин, обусловивших недемократический итог трансформации российского режима и «фасадность» созданных демократических институтов и отношений, можно выделить организационную слабость демократическо-интеллигентского элемента модернизаторов, отсутствие у него ресурсов и/или стратегий, необходимых для эффективного партстроительства, желания обеспечить себе массовую поддержку на фоне жесткой ориентации на мировой опыт транзита, не учет законов импорта институтов; рассогласование наблюдавшейся в конце 1980-х гг. среди значительной части населения популярности лозунга демократии и степени его реальной приверженности демократическим ценностям, адекватного понимания сущности и принципов функционирования демократических институтов. Сыграли свою роль и необходимость параллельного осуществления болезненных социально-экономических реформ, так как рост массового недовольства их последствиями, крушение массовых надежд на быстрое и относительно легкое обогащение послужили основанием для своеобразной общественной консолидации на основе «негативной идентичности»; а также исторический фактор, когда инициатором, двигателем и организатором российской модернизации всегда выступала власть; цели модернизации определялись интересами властвующей элиты, детерминируя строгий отбор заимствованных образцов. При этом реформирование опережало готовность народа к переменам и не соотносилось с его осознанными потребностями.

Выделенные особенности российской трансформации повлияли на формирование политических партий, начавшееся на рубеже 1980–1990-х гг. Первые протопартии создавались на базе политических клубов и кружковых объединений, имевших как самостоятельный статус, так и входящих в состав Народных фронтов, с целью оформления собственной политической базы и занятия идеологической ниши в складывающемся политическом спектре. Они представляли собой малочисленные, раздираемые внутренними разногласиями объединения, не имеющие значимой социальной поддержки, ресурсов и актуальных для общества партийных программ.

Принимая во внимание количество подобных структур и апартийный принцип формирования органов власти данного периода, российскую партийную систему до 1993 г. можно определить, согласно типологии Дж. Сартори, как атомизированную. Она характеризуется

наличием очень большого числа партий, но их количество не имеет значения, т.к. ни одна из них не обладает заметной силой, чтобы оказывать влияние на политический процесс. Российская политическая элита, являвшаяся главным субъектом политики, воспринимала партии инструментально, как средство формирования внешнего имиджа страны и дополнительный канал контроля над процессом принятия решений, превращая их из институтов политического представительства интересов в «политические предприятия», обеспечивающие конкуренцию элитных группировок.

С 1993 г. начинается профессионализация партийной деятельности и институционализация партийных структур, которым способствовали стремительное падение интереса населения к политической жизни в ходе «шоковых» реформ и социального расслоения общества, а также переход к смешанной избирательной системе и последовавшие выборы в Государственную Думу РФ 1993 г. Они резко изменили расклад сил в политическом спектре и стали катализатором образования новых политических организаций. При этом, несмотря на отсутствие правового определения партий, к середине 1990-х гг. на политическом пространстве выделились основные партии, обладающие заметными организационными структурами, ресурсами и представительством в федеральной легислатуре (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», варианты «партии власти» и др.). Это позволяет классифицировать российскую партийную систему второй половины 1990-х гг. как вариант «крайнего плюрализма», где в политическом процессе наиболее заметны 5-6 партий различной идеологической направленности, среди которых присутствует анти-системная оппозиция. Структурирование партий сопровождалось утратой ими идеологической идентичности.

В то же время, присутствие партий в регионах было фрагментарным. Их место занимали прогубернаторские структуры, ориентированные на защиту интересов местных элит.

В параграфе 2.2. «Трансформация российского партийно-политического режима в начале XXI в.» анализируются изменения, произошедшие в политическом процессе России в 2000-е гг., и их влияние на партийную систему.

На рубеже веков в российском обществе сложилась особая ситуация: для элиты стало ясно, что следующий президент – «приемник» вряд ли сохранит сложившуюся модель электорально-олигархической демократии, а в массовом сознании возобладали требования порядка и стабильности, уже даже не связываемые с ростом благосостояния, ради которых общество было готово пожертвовать частью демократических элементов 1990-х гг. Все большее число людей разделяли фор-

мируемую «традиционными» институтами и элитами, заинтересованными в авторитарных практиках, убежденность в том, что авторитарный лидер лучше гарантирует стабильность и порядок, чем демократические институты.

На этом фоне укрепление финансовых (связанных с ростом цен на нефть) и, как следствие, внешнеполитических позиций России на международной арене, утрата необходимости поддерживать имидж демократического государства для получения займов, повлекли смену содержания политических институтов при частичном сохранении их внешних форм. Учитывая количество центров принятия решений и их внутреннее состояние, можно говорить о складывании в России моноцентричного режима, основанного на институтах президентства, консолидации власти и элит.

В основе данной консолидации лежал своеобразный пакт в условиях рационального выбора, касающийся внутризлитных отношений и отношения власти и масс. Чтобы сохранить возможность контроля над государственной политикой в условиях перехода исполнительной власти во главе с В.В. Путиным к политике равноудаленности от бизнес-групп, крупный бизнес был вынужден активно включиться в процесс получения депутатских мандатов для себя или своих представителей. Это приводило к превращению партий в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных структур.

На основе анализа политических процессов в России в 2000-е гг. можно сделать вывод, что российская политика данного периода актуализировала традиционализм и олицетворяющие его социально-институциональные связи, состояла в централизации, последовательном выстраивании вертикали исполнительной власти при внешнем сохранении институционального дизайна, возникшего в 1990-е гг. Однако содержание и характер функционирования прежних политических институтов, в частности, партий, существенно изменились.

С 2000–2001 гг. начинается современный этап российского партогенеза, ключевой детерминантой которого выступили правовые факторы. Принятие Федерального закона «О политических партиях», ужесточение в 2003–2006 гг. законодательства о партиях и выборах (рост количественных требований к партиям, подъем заградительного барьера на выборах в Государственную Думу с 5 до 7%, запрет образования избирательных блоков, отменена выборов в Думу по одномандатным округам) в сочетании с повышением четкости требований

к партиям со стороны общества стимулировали их организационную, рекламно-пропагандистскую, избирательную и кадровую работу. Выборы же, несмотря на формальное увеличение роли партий в избирательном процессе, закрепление за ними статуса его единственного субъекта, перестали быть средством развития партийной системы.

Ключевая роль в партийной системе переходит к «партии власти» в лице «Единой России». Однако определить ее как систему «с доминирующей партией» не возможно, т.к. она сложилась в результате не свободной межпартийной конкуренции, а путем передачи «партии власти» дополнительных ресурсов и возможностей на фоне ограничения их для остальных партий.

Другими тенденциями партотрогенеза 2000-х гг. являются активное участие исполнительной власти в институционализации левого радикал-популизма, снижение популярности в обществе и внутренний кризис либерального движения, сочетавшийся с целенаправленной информационной политикой государства, блокирование партий для образования более крупных структур.

В итоге произошло существенное сокращение числа партий и унификация конфигурации партийной системы на всех уровнях. Ведущие политические партии встроены в существующий режим и демонстрируют картельный характер с поправкой на отечественную специфику взаимодействия партий и государства. Это создает серьезные проблемы представительства социальных интересов, отражающиеся в массовом сознании и электоральном процессе, и детерминирует развитие российской партийной системы в течение ближайших лет характером эволюции политического режима и стратегиями политической элиты.

В третьей главе «Особенности формирования и функционирования партий в регионах Юго-Западной Сибири» анализируется проявление выделенных трендов российского партотрогенеза на региональном уровне – на материале Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края.

В параграфе 3.1. «Партотрогенез на региональном уровне» выявляется специфика и этапы процесса формирования и функционирования партийных систем в указанных регионах, дается характеристика их конфигурации.

Становление партийных систем в Новосибирской, Кемеровской областях и Алтайском крае началось чуть позднее, чем на федеральном уровне – с начала 1990-х гг. – и стало результатом сочетания общих трендов партийного строительства и региональной специфики.

Анализ соотношения федеральных и региональных факторов позволил выделить три этапа формирования и функционирования партий в регионах Юго-Западной Сибири. На первом этапе, в 1990-е гг., определяющими выступали региональные особенности и характер региональных политических режимов, вследствие чего в каждом регионе складывалась своя конфигурация партийной системы. Ведущую роль в политическом процессе играли региональные общественно-политические организации, создававшиеся на базе федеральных партий и/или по инициативе и при поддержке губернаторов.

Научно-промышленная специализация Новосибирской области и более быстрое распространение в ее экономике рыночных механизмов обусловили интенсивность в ней партообразования, высокий уровень межпартийной конкуренции, институционализировавших соперничество элитных групп, и заметную роль в ее партийном спектре либеральных организаций. Вмешательство исполнительной власти в партогенез было незначительным.

В Алтайском крае с его аграрным сектором и традиционалистской политической культурой значительной части избирателей, напротив, наблюдалось доминирование «левых» партий при меньшем общем количестве региональных отделений и их большей упорядоченности. С избранием главой администрации края А.А. Сурикова в 1996 г. в крае постепенно начинает формироваться моноцентричный режим, когда исполнительная власть заполняет собой практически все политическое пространство и контролирует остальных политических акторов, основанный, однако, на принципе взаимного нейтралитета губернатора и парторганизаций.

В Кемеровской области изначально существенную роль играл губернаторский фактор в сочетании с сырьевой экономической специализацией, что в конечном итоге привело к формированию моноцентричного режима с инструменталистским характером партийных структур.

Таким образом, можно сделать вывод о сходстве политических режимов и партийных систем Алтайского края и Кемеровской области во второй половине 1990-х гг. Их прокоммунистичность являлась не только следствием напряженной социально-экономической ситуации, но и результатом того, что главы администраций А.А. Суриков и А.Г. Тулеев активно использовали поддерживавшие их региональные отделения Народно-патриотического союза России, объединявшего организации КПРФ и АПР, как «партийный ресурс» для мобилизации избирателей и легитимации своих режимов. В связи с этим в Алтайском крае и Кемеровской области, в отличие от федерального уровня, фактически не существовало атомизированной партийной системы.

Также довольно сложно определить их партийные системы как системы крайнего плюрализма, так как ни одна партийная организация не выступала за изменение регионального режима, в то время как по отношению к федеральной политике доминировавшие в регионах «левые» составляли довольно жесткую оппозицию. На этом фоне политическая ситуация, а следовательно, и партийная система Новосибирской области, отличались большей конкуренцией с заметным присутствием партий либерально-демократической направленности.

В то же время, большинство партийных организаций в регионах в этот период формировались как избирательные штабы и приобретали форму «комитетов», как правило, клиентелистского типа. Публичные акции проводились очень редко, в основном являясь частью всероссийских мероприятий. Это объясняется тем, что партии не располагали значительными политическими ресурсами и не имели стимулов к регулярному и масштабному партийному строительству.

Второй этап совпадает с началом 2000-х гг. и может быть определен как переходный, характеризующийся началом унификации региональных партийных систем в связи с ростом представительства в регионах федеральных партий и запретом региональных партий. Однако региональная специфика еще оказывала заметное влияние на партийно-политическую ситуацию в регионах Юго-Западной Сибири. В результате партийные организации по-разному реагировали на перестроение партийного поля, хотя кризисные элементы присутствовали в большинстве из них. В пространственном измерении кризис наиболее отчетливо проявился в новосибирских парторганизациях как возникших раньше, чем в соседних регионах, а потому и быстрее соседей вступивших в стадию поиска новых форм и методов деятельности. Развернулся в регионах Юго-Западной Сибири и процесс формирования отделений «партий власти», причем наибольшую активность в нем проявляли губернаторы Новосибирской области.

На этом фоне усиливается сходство партийных спектров Алтайского края и Новосибирской области, в то время как в Кузбассе партийное развитие приостанавливается, уступая место созданию региональных непартийных объединений. В то же время, Кемеровская область и Алтайский край продолжают демонстрировать активное вмешательство исполнительных органов власти в формирование руководящих органов парторганизаций. Объединяло их и начавшееся примерно с 2000 г. постепенное изменение политической ориентации высшей элиты регионов, в частности, глав администраций – из прокоммунистических они превращались в лояльных Центру, что не могло ни сказаться на партстроительстве.

К числу наиболее крупных и информационно заметных партийных организаций данного периода относятся КПРФ, Аграрная партия России, «Яблоко», СПС, «Единая Россия», ЛДПР. Вместе с тем, у жителей регионов росло чувство неудовлетворенности деятельностью существующих политических партий, невыполнением ими в должной мере функции социального представительства. Показателями этого выступают процент голосующих «против всех» на федеральных и региональных выборах первой половины 2000-х гг., численность и социальный состав партийных организаций, большинство в которых по-прежнему составляли представители элитных группировок и бюджетники.

С середины 2000-х гг. в региональном партотенезе начинается третий этап, когда встраивание региональных элит в «вертикаль власти» и общероссийская логика партотенеза привели к относительному нивелированию региональных отличий. В результате этого партийные системы регионов Юго-Западной Сибири приобрели схожую конфигурацию. В информационном пространстве регионов и региональных legislatures значительно преобладает «Единая Россия» на фоне сокращения представительства других партий, в первую очередь КПРФ. Трансляция же на региональный уровень механизмов современного российского политического режима обеспечила усиление контроля губернаторов над партийно-политической ситуацией в регионах.

Важным стимулом активизации работы региональных отделений политических партий стало решение 2002 г. о распространении смешанной избирательной системы на выборы региональных Законодательных Собраний: партийные организации превратились в постоянно действующие структуры, в их работе усилилась социальная составляющая, ориентированная на удовлетворение «потребительских» запросов рядового избирателя, повышение информированности о данных партиях и формирование их позитивного имиджа. Все это привело к усилению представительства бизнеса в руководстве региональных отделений партий и конкуренции между бизнес-группами за контроль над ними, тем более что возможности бизнеса оказались ограничены конфигурацией федеральной партийной системы.

В параграфе 3.2. *«Региональные отделения политических партий и федеральные выборы»* дается оценка эффективности участия региональных отделений политических партий Юго-Западной Сибири в выборах депутатов Государственной Думы РФ в 1990–2000-е гг.

Об участии региональных партийных организаций в федеральных выборах можно говорить с 1993 г. Их итоги отражали региональную специфику, расстановку партийных сил, характер межпартийной конкуренции и продемонстрировали определенную цикличность.

В 1993 и 1999 гг. электоральные поля регионов различались. В 1993 г. в Алтайском крае преобладало протестное голосование за ЛДПР, КПРФ и АПР, в то время как в Новосибирской и Кемеровской областях доминировали сторонники правительственного курса. В 1999 г., напротив, в Алтайском крае и Новосибирской области первое место уверенно занимала КПРФ, в то время как в Кемеровской области лидерство перешло к проправительственному блоку «Единство» («Медведь»), существенно сократив электоральную поддержку как КПРФ, так и других партий.

Унификация электоральных настроений в регионах Юго-Западной Сибири проявлялась на выборах 1995 и 2003 гг. Так, в 1995 г. наибольшей поддержкой избирателей пользовались протестные и популистские партии (КПРФ, ЛДПР, АПР), в то время как результаты демократических и проправительственных партий были значительно хуже общефедеральных. На выборах 2003 г. во всех регионах лидировала «партия власти» в лице «Единой России», причем в Алтайском крае и Новосибирской области впервые. Это объясняется как традиционным сознанием части избирателей регионов, увидевших в данной партии залог стабильности власти и улучшения социально-экономической ситуации в стране, так и политикой властной элиты, в первую очередь губернаторов.

Переход на пропорциональный принцип избрания Госдумы РФ в 2007 г. снизил роль региональных отделений в формировании партийных списков и ограничил электоральные возможности вертикальной мобильности региональных элит. Получил распространение «парашютаж» – практика выдвижения высшими органами политических партий кандидатов, проживающих в других регионах и/или входящих в руководство партий, на проходные места региональных списков на выборах представительных органов государственной власти. Кроме того, списки отразили усиление притока представителей бизнеса на руководящие роли в политических партиях, а также отказ партий как на федеральном, так и региональном уровнях от включения в них ярких, но оппозиционных власти фигур в обмен на возможность участвовать в электоральной игре.

В этой связи особо выделяется тактика «Единой России», списки которой во всех регионах возглавили губернаторы и председатели региональных legislatures (кроме Алтайского края), изначально не ориентированные на парламентскую деятельность, что делало реальными шансы на прохождение в Госдуму четвертых-пятых номеров списка, неизвестных избирателям, и зачастую «парашютистов».

Результаты выборов 2007 г. в регионах Юго-Западной Сибири, как и в 1999 г., продемонстрировали схожесть партийно-электоральных предпочтений Алтайского края и Новосибирской области на фоне существенных отличий Кемеровской области, где «Единая Россия» набрала почти 80% голосов избирателей, а «Справедливая Россия» вообще не смогла преодолеть заградительный барьер.

В параграфе 3.3. «Партии в процессе формирования и функционирования региональных органов власти» проводится сравнительный анализ участия партий в выборах депутатов Законодательных Собраний регионов, оценивается их роль в законотворческом процессе и формировании региональных органов исполнительной власти.

Процесс участия региональных отделений политических партий в формировании региональных органов законодательной власти можно разделить на два этапа, границей которых выступает принятие Государственной Думой РФ в 2002 г. закона о переходе на смешанный принцип формирования легислатур субъектов РФ. Согласно ему не менее половины мест в них должны занимать представители политических партий, избранные по спискам партий, преодолевших избирательный барьер.

На первом этапе (1993–2002 гг.), особенно в первой половине – середине 1990-х гг., несмотря на то, что партии были провозглашены важнейшим субъектом формирования законодательных органов власти еще в Конституции РФ 1993 г., партийная составляющая легислатур была минимальной. Это объясняется слабой институционализацией и пространственным распространением политических партий, нарастанием отчуждения населения от власти вследствие переориентации на решение социально-экономических проблем, отсутствием у него знаний о политике и опыта участия в ней по новым правилам, а также активным участием в процессе формирования депутатского корпуса других акторов, в частности, созданных по инициативе губернаторов блоков, профсоюзов и объединений предпринимателей. Кроме того, большинство кандидатов в депутаты, даже активисты региональных отделений политических партий, выдвигались не партиями, а непосредственно избирателями и не подчеркивали свою партийную принадлежность.

На этом фоне выделяется особенность Алтайского края, в Законодательном Собрании которого раньше, чем в других регионах Юго-Западной Сибири (1996 г.) появилась партийная фракция коммунистов и аграриев, объединенных в блок «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда», отражающая доминирование «левых» сил в партийной системе края.

В целом, степень и характер вовлеченности партий в процесс формирования региональных legislatur определялись региональной спецификой политического процесса, расстановкой партийных сил в регионах и остротой межпартийной конкуренции. Так, выборы в законодательные органы власти Новосибирской области отличались более высокой партийной активностью, обусловленной большей фрагментацией и конкуренцией элит региона, наличием большего, чем в других регионах, количества политических организаций при отсутствии заметного доминирования какой-либо из них. В Кемеровской же области за общим фасадом активности региональных отделений партий, общественных объединений и блоков стоял губернатор А.Г. Тулеев, поставивший под контроль все политические процессы в регионе, в результате чего партии и иные общественно-политические объединения превратились лишь в формальные каналы продвижения в состав legislatur губернаторских представителей.

На втором этапе (с 2003 г.) введение смешанной системы формирования органов законодательной власти субъектов РФ резко повысило их партийность, способствуя притоку региональной элиты в партийные организации. С этого периода партии постепенно вытесняют из регионального избирательного процесса местные избирательные блоки. А после запрета их создания партийно-политическая структура региональных legislatur становится фактически унифицированной по составу участников – как правило, в них образуется 4 фракции: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Исключением здесь опять же выступает Кемеровская область, которая даже в условиях перехода на смешанный принцип избрания региональной legislatur, фактически сохраняет ее апартийный характер (в Совете народных депутатов созыва 2008 г. 35 из 36 мандатов принадлежит представителям «Единой России»).

Участие партий в формировании органов исполнительной власти регионов в 1990–2000-е гг., как и на федеральном уровне, было незначительным и в основном имело форму кооптации специалистов, оказывающихся членами той или иной партии, на руководящие должности.

В «Заключении» подведены итоги, сформулированы основные выводы диссертационного исследования: об определяющей роли формы государственного устройства, характера политического режима, типа избирательной системы и нормативно-правовых основ в развитии российской многопартийности; о противоречивости последствий «путинских реформ» для партийной системы, в ходе которых усиление формальной роли партий в политическом процессе сопровождалось подчинением их государству и встраиванием в систему «вертикали

власти»; о влиянии специфики политических режимов, социально-экономической и социокультурной ситуации в регионах Юго-Западной Сибири на процесс формирования и функционирования региональных отделений партий, – обозначены дальнейшие направления изучения российских политических партий на федеральном и региональном уровнях.

3. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Общее количество публикаций – 80, объем в печатных листах – 50,3, в том числе:

Монографии

1. Шашкова Я.Ю. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае (1993–2006 гг.) / Я.Ю. Шашкова, С.Ю. Асеев, Е.В. Притчина. – Барнаул : Аз Бука, 2007. – 200 с. (10 /4,5 п.л.).
2. Шашкова Я.Ю. Российская партийная система в условиях трансформации политического режима (конец XX–начало XXI в.) / Я.Ю. Шашкова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 180 с. (10,4 п.л.).

Статьи в ведущих научных журналах, рецензируемых ВАК

3. Шашкова Я.Ю. Влияние перехода к смешанной избирательной системе на социально-политический состав региональных органов государственной власти (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // Власть. – 2006. – №7. – С. 7–13 (0,6 п.л.).
4. Шашкова Я.Ю. Новый губернатор в Алтайском крае / Я.Ю. Шашкова // Политическая наука: Сб. науч. трудов / ИНИОН РАН. – 2007. – №2: Губернаторы в России: От выборов к назначению. – С. 140–147 (0,4 п.л.).
5. Шашкова Я.Ю. Особенности отношения населения к партиям в регионах с традиционной политической культурой (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // Известия Алтайского государственного университета. – Сер. Искусствоведение. История. Политические науки. Филология. – 2007. – №4/2. – С. 206–208 (0,4 п.л.).
6. Шашкова Я.Ю. Основные тенденции партотгенеза в Алтайском крае в апреле–декабре 2008 г. / Я.Ю. Шашкова // Известия Алтайского государственного университета. – Сер. История. Политология. – 2009. – №4/3. – С. 295–302. (0,7 п.л.).
7. Шашкова Я.Ю. Особенности транзита 90-х гг. XX в. как детерминанта современного российского политического режима. / Я.Ю. Шашкова //

Известия Алтайского государственного университета. – Сер. История. Политология. – 2009. – №4/4. – С. 311–316 (1 п.л.)

8. Шашкова Я.Ю. Российский партогенез конца XX – начала XXI в.: проблема периодизации. / Я.Ю. Шашкова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №5. – С. 44–46 (0,5 п.л.).
9. Шашкова Я.Ю. Российские партии и государство: О применимости в российских условиях понятия «картельные партии» / Я.Ю. Шашкова // Свободная мысль. – 2010. – №6. – С. 19–26 (0,6 п.л.).

Публикации в научных, учебных изданиях и сборниках научных конференций

10. Шашкова Я.Ю. Влияние политических партий на функционирование органов представительной власти в современной России / Я.Ю. Шашкова // Альтернатива: Ежегодный научно-публицистический альманах. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2000. – 0,3 п.л.
11. Шашкова Я.Ю. Совет народных депутатов Алтайского края: социально-политический анализ / Я.Ю. Шашкова // Вопросы политологии. Вып. 2. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – 0,2 п.л.
12. Шашкова Я.Ю. Партии в западной политической мысли / Я.Ю. Шашкова // Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 1,5 п.л.
13. Шашкова Я.Ю. Особенности партогенеза при переходе от тоталитаризма к демократии / Я.Ю. Шашкова // Тоталитарный менталитет: проблемы изучения, пути преодоления. Материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 18–20 сентября 2001 г.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. – 0,2 п.л.
14. Шашкова Я.Ю. Роль партий в институциональном дизайне современной российской политики / Я.Ю. Шашкова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Барнаул : Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2004. – 0,2 п.л.
15. Шашкова Я.Ю. Конституционализм как фактор партогенеза в современной России / Я.Ю. Шашкова // Конституционализм и федерализм в России (XIX–XX вв.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 0,2 п.л.
16. Шашкова Я.Ю. Политическая культура как фактор российского партогенеза / Я.Ю. Шашкова // Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического анализа. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – 0,3 п.л.
17. Шашкова Я.Ю. Выборы в Алтайский краевой Совет народных депутатов / Я.Ю. Шашкова // Алтай – 2004: выборы в краевые органы государственной власти. – Барнаул : Аз Бука, 2005. – 0,3 п.л.
18. Шашкова Я.Ю. Влияние введения пропорциональной избирательной системы на электоральную активность партий на региональном уровне (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // Сравнительное изучение парламентов и опыт парламентаризма в России: выборы, голосование,

- репрезентативность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию принятия закона о выборах депутатов I Государственной думы. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 0,2 п.л.
19. Шашкова Я.Ю. Партии и формирование органов исполнительной власти в регионах РФ (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // Проблемы государственной и муниципальной службы: стратегия и тактика реформ. – Барнаул : Аз Бука, 2006. – 0,5 п.л.
20. Шашкова Я.Ю. Роль партий в политическом процессе западносибирских регионов (по итогам региональных и местных выборов 2005–2006 гг.) / Я.Ю. Шашкова // Теория и практика государственного и муниципального управления. – Барнаул : Аз Бука, 2006. – 0,6 п.л.
21. Шашкова Я.Ю. Основные тенденции эволюции дизайна партийного пространства второго срока президентства В.В. Путина / Я.Ю. Шашкова // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 0,3 п.л.
22. Шашкова Я.Ю. Партиформ Алтайского края. Вып.1 / Я.Ю. Шашкова. Барнаул : Аз Бука, 2006. – 1,1 п.л.
23. Шашкова Я.Ю. Объединение партий – новый этап российского партотенеза? / Я.Ю. Шашкова // Неверовские чтения. Вып. 2. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 0,5 п.л.
24. Шашкова Я.Ю. Партиформ Алтайского края. Вып. 2 / Я.Ю. Шашкова. – Барнаул : Аз Бука, 2007. – 1,0 п.л.
25. Шашкова Я.Ю. Особенности легитимации партий в регионах с традиционной политической культурой (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // «Новая Россия»: проблема доверия в современном российском политическом сообществе. Ч. 1. – М. : Изд-во РГГУ, 2007. – 0,3 п.л.
26. Шашкова Я.Ю. Партиформ Алтайского края. Вып. 3 / Я.Ю. Шашкова. – Барнаул : Аз Бука, 2007. – 2,5 п.л.
27. Шашкова Я.Ю. Основные принципы формирования региональных партийных списков на выборах депутатов Государственной Думы (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // Политический процесс в российских регионах накануне электорального цикла 2007–2008 гг. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 0,3 п.л.
28. Шашкова Я.Ю. Основные тенденции регионального партотенеза (на примере Алтайского края) / Я.Ю. Шашкова // Политическая социология. – М. : РАПН, РОССПЭН, 2008. – 0,4 п.л.
29. Шашкова Я.Ю. Роль партий в формировании и функционировании законодательных органов власти Западно-сибирских регионов / Я.Ю. Шашкова // Российский парламентаризм: региональное измерение: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Томск : Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2009. – 0,4 п.л.
30. Шашкова Я.Ю. Партиформ Алтайского края. Вып. 4 / Я.Ю. Шашкова. – Барнаул : Аз Бука, 2008. – 2,4 п.л.

31. Шашкова Я.Ю. Влияние государства на партийную конкуренцию в современной России (на примере регионов Юго-Западной Сибири) / Я.Ю. Шашкова // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М. : ИНИОН РАН, 2009. – 0,5 п.л.
32. Шашкова Я.Ю. Партиформ Алтайского края. Вып. 5 / Я.Ю. Шашкова. – Барнаул : Аз Бука, 2009. – 1,5 п.л.
33. Шашкова Я.Ю. Тенденции развития партийной системы в Алтайском крае по итогам электорального цикла 2007–2008 гг. / Я.Ю. Шашкова // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 0,35 п.л.
34. Шашкова Я.Ю. Влияние модели государственности и политической культуры на становление российской партийной системы / Я.Ю. Шашкова // Государственность: теория и практика. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 0,5 п.л.
35. Шашкова Я.Ю. Российское либеральное движение: эволюция и современное состояние / Я.Ю. Шашкова // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 0,5 п.л.
36. Шашкова Я.Ю. Оценка российского политического режима политологией начала XXI в. / Я.Ю. Шашкова // Неверовские чтения. – Вып. 3. – Т. 1. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 0,4 п.л.

Изд. лиц. ЛР №020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 12.01.2011 г. Формат 60×⁸⁴/₁₆.
Шрифт Times NR. Бумага офсетная. Печать Riso.
Усл. печ. 2,0. Тираж 150 экз. Заказ 1.

Издательство Алтайского государственного университета.
Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, 49, ул. Димитрова, 66